

Не пой этих песен любовных,
не лей в мое сердце отраву,
я молод, но юность не помню,
а если и помню, не стану
того ворошить, что попрам
и сам пред тобой растоптал.

Забудь же, когда я рыдал
за взгляд твой один и за вздох,
рабом был и цепи таскал,
и я за улыбку бы смог,
несчастный,
весь мир презирать
и чувства в грязи растоптать.

Забудь же безумства мои,
любовь уже грудь не согреет,
не сможешь ее разбудить,
глубокая скорбь мной владеет,
и ранами сердце покрыто,
оно уже злобой повито.

Твой голос чудесен, ты юна,
но слышишь ли пенье ты леса?
И бедности горькие струны?
От слез тех душе моей тесно,
от мук мое сердце томится,
и кровь там повсюду струится!

О, брось этих мыслей отраву!
Послушай зов бури громовой,
послушай, как стонет дубрава,
как слово рождается за словом –
то сказки – минувшего звуки
и песни про новые муки.

Запой же ты песню такую,
пропой мне, дивчина, на милость,
о том, как брат братом торгует,
как сгнули молодость, сила;
как вдовушка плачет тоскливо,

бездомным мальчикам сиротливо.

Пропой! Или смолкни, – оставь же!
Уж выскочить сердце готово,
готово сгореть. – Так очнись же! –
земля там грохочет сурово
от криков:
и страшных, и злобных,
и песен предсмертных, надгробных...

И буря там ветви ломает,
а сабля свивает венцом их;
овраги, как пасти, зияют, –
там кормятся пищей свинцовой,
и смерть там – улыбкою милой,
для сладкого сна же – могилы!

Ах, песни и эта улыбка...
Чей голос пропеть мне сумеет? –
кровавым напоит напитком,
таким, что любовь онемееет...
Тогда уж я сам запою –
тоскую о ком и люблю!..